

Глава 2

Лю Тяньцзяо не просто пугал Сяо Цянь-ши — отец и впрямь должен был вернуться через полчаса. Нужно было поторапливаться с обедом, чтобы к приходу Лю Лаода на столе стояло всё самое свежее и вкусное.

Стоял конец августа. Уборка риса недавно закончилась, но жара всё никак не спадала. Отец всё утро трудился под палящим солнцем, и юноша понимал: в такой зной аппетита у него не будет.

Он прикинул меню: стоит достать из кадки заготовленные несколько дней назад маринованные стручки вигны и перец, быстро обжарить их со свиной печенью, а в огороде сорвать свежей зелени — молодую ботву батата и огурцы для салата. К этому Лю Тяньцзяо решил подать рис с красной фасолью и злаками — так можно сэкономить отборное зерно, да и на вкус выходит замечательно.

При мысли об обеде у него потекли слюнки. Хотя семья и торговала мясом, они не были богачами и не могли, вопреки деревенским слухам, объедаться вырезкой каждый день. Нужно было откладывать серебро на чёрный день, чтобы на душе было спокойно.

Впрочем, свиные потроха, которые из-за резкого запаха и сложности в приготовлении ценились недорого, в их доме появлялись часто. Парень готовил мастерски: стоило ему выставить блюдо на стол, как аромат дурманил голову.

Погрузившись в мечты о еде, Лю Тяньцзяо шёл по дороге, не слишком глядя под ноги, и чуть было не врезался в человека, который, опустив голову, что-то сердито бормотал себе под нос.

Тот явно испугался и заверещал тонким, противным голосом:

— Цзяо Гэ'эр, глаза дома забыл?! Если испачкаешь мне одежду — вовек не рассчитаешься!

Услышав эти ядовитые нотки, юноша сразу понял: перед ним Сваха Ван. Только что была на рынке, а уже примчалась в деревню — видать, только-только вышла из дома Вэй Вэнькана. Ну и шустрая же баба!

Тяньцзяо и впрямь не смотрел по сторонам, так что спорить не стал:

— Жара такая, что в глазах темнеет, не заметил вас, тётушка Ван. Неужто от Вэй Вэнькана идёте? Что за хорошие вести на этот раз?

Сваха, судя по всему, только что потерпела неудачу, и злость пересилила желание пререкаться. Она брезгливо скривилась:

— Да такой же упрямец, как и ты! На себя бы в зеркало посмотрел: ни земли, ни дома путного, а всё туда же — нос воротит! Видать, совсем мозги книжками высушил, возомнил себя великим

господином цзюйжэнем.

Слова про «господина цзюйжэня» были явной издевкой. Вэй Вэнькан с детства подавал большие надежды. Пока его мать была жива, она на каждом углу хвасталась, будто школьный учитель называет её сына редким талантом.

Поначалу люди верили — наставник ведь слов на ветер не бросает. Но когда пришло время первого экзамена, молодой человек ничего не сдал, и его принесли домой на носилках. Деревня начала сомневаться.

Потом умер отец Вэй, и парень три года соблюдал траур, не приступая к наукам. А когда попробовал снова — история повторилась: его опять притащили домой полуживым. Тогда-то все и поняли: какой там гений! Обычный обманщик. Даже на туншэна сдать не может, а всё прикрывается слабым здоровьем.

Теперь же, когда скончалась и его мать, Вэнькану предстояло ещё три года траура. К этому «маленькому таланту» в деревне относились теперь лишь с холодным презрением. Однако лицо у него было на редкость пригожим, так что девицы и гэ'эры по-прежнему заглядывались на него. Сваха Ван явно ходила сватать его.

Мысль о том, что этот высокомерный «молодой господин» вынужден будет продавать себя ради сытой жизни, несказанно развеселила Лю Тяньцзяо:

— И какую же партию вы ему прочили, тётушка? Неужто в примачи зазывали?

Сваха фыркнула:

— Молодой господин Вэй больно разборчив! Я и заикнуться не посмела о том, чтобы он в чужой дом ушёл. Сватала ему Тянь Цзе'эр из семьи старосты. Какое приданое за ней дают, а он — ни в какую! Ну не злит ли, а?

Тянь Цзе'эр?! Ту самую, которую в деревне даже собаки за версту обходят? Если в списке невест, которых трудно выдать, Лю Тяньцзяо входил в первую тройку, то Тянь Цзе'эр прочно занимала первое место.

И на то было три причины. Первая — внешность. Несмотря на богатство семьи, девица была черна кожей, костлява, а лицо её густо покрывали прыщи.

Вторая — нрав. О её крутом характере ходили легенды: вздорная, грубая, не признающая никаких правил. Лю Тяньцзяо хоть и был остёр на язык, но первым не лез. Тянь Цзе'эр же могла взъесться на любого без причины и обдать ядом с ног до головы.

Третья причина — её семья. Мало того что отец был старостой, так у неё ещё было семеро братьев — один другого свирепее. Единственную сестрёнку они оберегали пуще глаза, и горе

было тому, на кого она укажет пальцем.

Кто рискнёт на такой жениться? На приданое Юй Дэцзю позаришься — да жизни не хватит его потратить.

Юноша представил, как Вэй Вэнькан каждый день ходит перед ней на цыпочках, не смея слова молвить, и чуть не расхохотался:

— Вы совершенно правы, тётушка Ван! Глупец он и есть глупец. Проучите его хорошенько — есть скоро нечего будет, а он всё привередничает!

Сваха почувствовала в собеседнике родную душу:

— Вот-вот! Кто бы мог подумать, Цзяо Гэ'эр, что ты такой рассудительный. Обязательно подберу тебе мужа получше.

«Ага, получше, — подумал Тяньцзяо. — Небось, уже присматриваешь какого-нибудь бездельника, который позарится на наше добро»

Зная повадки старой сводни, он не стал продолжать эту тему, а лишь спросил:

— Значит, Вэй Вэнькан теперь самого старосту разгневал?

Старуха пренебрежительно махнула рукой:

— Ещё как! Пришлый человек, а ведёт себя так бессовестно. Рано или поздно его из деревни выживут.

Хоть Лю Тяньцзяо и хотел посмеяться над Вэньканом, но торжествующий вид этой мелкой душонки ему не понравился:

— Семья Вэй в своё время заплатила немалые деньги за право поселиться здесь. Он законов не нарушал, за что же его выгонять?

Собеседница лишь холодно усмехнулась в ответ:

— Молодой ты ещё, Цзяо Гэ'эр, многого не понимаешь. В деревне жизнь такая: если перейдёшь дорогу важным людям, они найдут сотню способов тебя извести.

«Важные люди? — хмыкнул про себя Тяньцзяо. — Обычное старичье с замашками разбойников, и староста — первый среди них. Его дочку потому и боятся, что папаша за спиной стоит»

Заметив молчание юноши, Ван решила, что он испугался, и примирительно добавила:

— Ты тоже, парень, не затягивай. Приглядишься к женихам, пока отец жив. Каким бы грозным он ни был, рано или поздно его не станет. Останешься один — никто за тебя не заступится, заплачешься тогда.

Лю Тяньцзяо ответил ледяной усмешкой:

— Будущих бед я не боюсь. Я боюсь сейчас на свадьбу зря потратиться.

Видя, что её советы не находят отклика, сваха лишь раздражённо махнула рукавом и зашагала прочь.

Тяньцзяо проводил взглядом её довольно грузную фигуру, покачивающуюся при ходьбе, и негромко выругался:

— Бесстыжая старуха, кого пугать вздумала!

Солнце нещадно палило, и после долгого стояния на дороге юноша почувствовал, как пот заливает лицо.

Он уже собирался утереться рукавом, но, мельком глянув на покосившиеся ворота дома Вэя, вдруг почувствовал необъяснимую неловкость. В такой зной от мясной лавки несло не лучшими ароматами, и одежда Лю Тяньцзяо за утро насквозь пропиталась этим тяжёлым запахом. Если он сейчас размажет пот грязным рукавом, какая-нибудь «высокородная особа» наверняка одарит его своим презрительным взглядом.

Парень достал из-за пазухи чистый, выстиранный платок, тщательно вытер лицо и только после этого взялся за ручки телеги. Он так и не заметил, что во дворе за воротами на миг мелькнула чья-то тень.

Из-за всех этих проволочек времени на готовку почти не осталось. Дома Тяньцзяо быстро расставил всё по местам, наскоро обтёрся согретой на солнце водой из кадушки, переоделся и поспешил на кухню.

Развёл огонь, дождался, пока котел прогреется, и всыпал чистую красную фасоль. Он начал быстро обжаривать её, пока не появился лёгкий, едва уловимый аромат подпалин — так бобы сварятся гораздо быстрее. Затем наполнил котел водой, а когда она закипела, всыпал промытый рис. Накрыв крышкой и подбросив дров, юноша принялся нарезать печень.

Когда рис дошёл до полуготовности, Тяньцзяо переложил его в задний котел упариваться. Наконец-то можно было перевести дух — если рис готов, то овощи обжарятся в мгновение ока.

Понимая, что отец вернётся измученным жаждой, он достал утреннюю заготовку: нежное тофу. Юноша смешал его со сладкой рисовой закваской, добавил свежего молока и посыпал сушёным цветом османтуса. Эту миску он опустил в колодец, чтобы она как следует

охладилась.

Нежное тофу в сочетании со сладким хмельком закваски и тонким ароматом османтуса — от такого лакомства невозможно оторваться. Для деревни эти продукты были дорогими, и только Лю Лаода, так сильно баловавший своё чадо, позволял сыну подобные вольности.

Но как не баловать такого способного и заботливого ребёнка? Усталый, обливающийся потом отец вошёл во двор, и его тут же встретил сын с тазом теплой воды и мягкой улыбкой:

— Отец, умывайся скорее, обед уже на столе!

Сердце Лю Лаода растаяло. Соседи вечно твердили, что его сын груб и неотесан, но какой же он грубый? Стоит ему улыбнуться — и на щеках появляются очаровательные ямочки.

— И что же у нас сегодня?

Тяньцзяо принялся перечислять:

— Жареная печень с маринованной вигной, салат из огурцов и ботва батата.

Вспомнив, как готовит сын, Лю Лаода едва не захлебнулся слюной:

— Скорее неси! Чего мы ждём?

Юноша хитро прищурился:

— Не торопись, отец. У меня припасено кое-что получше.

<http://bllate.org/book/15343/1372738>